

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

ЗЕЛЕНый РОСТ И ЭКОНОМИКА ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА
Панельная сессия

19 июня 2015 — 11:45–13:00, Павильон 8, Конференц-зал 8.3

Санкт-Петербург, Россия
2015

Модератор:

Елена Лазько, Партнер, руководитель программы «Зеленая повестка»,
Deloitte

Выступающие:

Александр Бедрицкий, Советник Президента, специальный представитель
Президента Российской Федерации по вопросам климата

Патрик Веркойхен, Специальный представитель по изменениям климата,
Группа Всемирного банка

Гонзаг де Пире, Генеральный директор по России, Украине и странам СНГ,
концерн «Сен-Гобен»; председатель, Ассоциация французских предприятий
по развитию энергоэффективности в России

Сергей Донской, Министр природных ресурсов и экологии Российской
Федерации

Йонг Ли, Генеральный директор, Организация Объединенных Наций по
промышленному развитию

Олег Мухамедшин, Директор по стратегии, развитию бизнеса и
финансовым рынкам, РУСАЛ

Жан-Морис Рипер, Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской
Республики в Российской Федерации

Джихан Султаноглу, Помощник Генерального секретаря, Организация
Объединенных Наций; директор, Региональное бюро по странам Европы и
СНГ, Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

Участник дискуссии в первом ряду:

Чинтан Шах, Президент, Suzlon Energy Limited

Е. Лазько:

Добрый день! Мы начинаем традиционную для Петербургского форума «зеленую» сессию. В этот раз мы будем особенно много говорить о климате. По питерской погоде сейчас этого не скажешь, но глобальное потепление — уже свершившийся факт. Нынешний год для всех очень важен: в декабре в Париже пройдет конференция, на которой ведущие страны мира подпишут новое климатическое соглашение. Роль БРИКС и в частности России как лидера в климатической повестке сложно переоценить. На нашей сессии собралось экспертное сообщество, членов которого я представлю в том порядке, в каком они будут выступать: Сергей Ефимович Донской, министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации; Александр Иванович Бедрицкий, советник Президента, специальный представитель по вопросам климата; Джихан Султаноглу руководит подразделением ПРООН по странам Европы и СНГ; Жан-Морис Рипер, посол Франции в Российской Федерации; Йонг Ли, генеральный директор ЮНИДО; Патрик Веркойхен, эксперт штаб-квартиры Всемирного банка; Гонзаг де Пире, генеральный директор концерна «Сен-Гобен» в Российской Федерации; Олег Мухамедшин, главный стратег «Русского алюминия». Спикеры в первом ряду: Евгений Аркадьевич Шварц, Фонд дикой природы; Чинтан Шах, президент Suzlon Energy; и Любовь Дуйко из Всероссийского общества охраны природы.

Сергей Ефимович начнет нашу сессию.

С. Донской:

Уважаемые дамы и господа, коллеги! Приветствую всех на нашей панели, которая называется «Зеленый рост и экономика изменения климата».

Прежде всего отмечу актуальность включения в повестку дня Санкт-Петербургского экономического форума вопросов «зеленой» экономики и экономики климата. Мы стараемся проводить подобное мероприятие

каждый год, однако изменения климата и то, что происходит сейчас в международном поле, мы на этих мероприятиях до сих пор не обсуждали. До 21-й климатической конференции ООН в Париже осталось 164 дня, и все мы, конечно, ожидаем принятия нового глобального соглашения.

Скажу несколько слов о задачах, которые мы ставим перед собой, и об имеющихся возможностях по их решению. На протяжении нескольких веков потребность человечества в природных ресурсах увеличивалась вместе с ростом экономического производства. Это привело не только к масштабным экологическим бедствиям в различных частях света: использование природных ресурсов стало причиной глобального изменения климата. Это было зафиксировано учеными в 20 веке, об этом мы говорим и сегодня. Как показали научные исследования, причины глобального изменения климата связаны с экономикой, это уже всем понятно. Очевидно, что решение климатических проблем следует искать в экономической плоскости.

Рассмотрение климатических вопросов на этой панели очень актуально для Санкт-Петербургского экономического форума. На наш взгляд, здесь можно выделить два направления: это необходимость принятия экономических решений, направленных на сокращение объемов антропогенных выбросов и на снижение ущерба от климатических изменений. Кратко отмечу, что Киотский протокол 1997 года предусматривал экономические инструменты сокращения объемов выбросов парниковых газов в соответствующих странах, однако, несмотря на глобальное участие 192 стран, в первый период реализации протокола не удалось достигнуть необходимых показателей сокращения выбросов. Основная причина — отсутствие международных обязательств у двух ведущих стран, США и Китая, на которые приходится более 40% глобальных выбросов парниковых газов. Россия в первый период действия Киотского протокола имела обязательства по стабилизации выбросов на уровне 1990 года. Наша страна достигла сокращения выбросов почти на 30% относительно цели и

значительного разрыва между ростом экономики и ростом выбросов. Так, в 2012 году ВВП Российской Федерации составлял 173% от ВВП 2000 года; в то же время выбросы парниковых газов достигли лишь 112% от объема 2000 года. Таким образом, происходивший в этот период значительный рост ВВП сопровождался лишь минимальным увеличением объемов выбросов. Это основной показатель перестройки нашей экономики.

Концепция «зеленой» экономики, которую в свое время, накануне Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20», выдвинула ЮНЕП, определяет ее как экономику с малыми объемами выбросов CO₂, эффективно использующую ресурсы, отвечающую интересам всего общества. При этом подразумевается, что жесткого набора правил быть не должно: каждая страна может выбирать свой подход в соответствии с национальными планами, стратегиями и приоритетами устойчивого развития. Как один из мировых ресурсных лидеров, Россия не только приветствует, но и полностью разделяет принципы «зеленой» ответственности в экономике.

По данным ЮНЕП, объем торговли только низкоуглеродными технологиями и энергосберегающим оборудованием к 2020 году, то есть совсем скоро, может составить 2,2 триллиона долларов США. К этому можно будет добавить «зеленые» технологии в других областях, так что в ближайшее десятилетие объем рынка «зеленых» технологий может составить более трех триллионов долларов США. Для нашей страны приоритетом в этой области является повышение энергоэффективности производства и развитие современной энергетики на основе имеющегося природного потенциала.

В России на долю энергетики приходится более 80% выбросов парниковых газов, поэтому меры по сокращению объемов выбросов будут реализованы в первую очередь в секторах, связанных с потреблением топлива. Значительным потенциалом в этом отношении обладают промышленный

сектор, транспорт, ЖКХ и государственные учреждения. Ключевое значение имеет модернизация производства и идентификация источников энергии, например увеличение в топливном балансе доли природного газа как самого экологически чистого ископаемого топлива, а также широкое применение новейших технологий. Это основа тех действий, которые сейчас необходимо предпринимать в том числе и в России.

Огромную роль в стабилизации климатической системы играет лес. Здесь я не могу согласиться с высказываниями некоторых экспертов: с тем, что только тропические леса являются активными поглотителями парниковых газов, а роль бореальных лесов незначительна. Мы считаем, что бореальные леса России имеют глобальное значение для смягчения последствий изменения климата, для защиты водных ресурсов, для предотвращения эрозии почв и сохранения биоразнообразия на планете. В связи с этим считаю, что на многих площадях лес не устаревает, а следовательно, Россия является мировым экологическим донором. На долю нашей страны приходится более 70% бореальных лесов и около 25% мировых лесных ресурсов. Леса занимают 50% площади нашей страны, поэтому вопросы сохранения лесов и управления ими имеют для нас особую важность.

Министерством разработаны и утверждены «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года». Это ключевой документ, на который мы сейчас опираемся, в том числе реализуя изменения в законодательстве. Для практической реализации задач лесного сектора, совместно с Всемирным банком, мы работаем по проекту реформирования лесопользования и мер по борьбе с лесными пожарами в России. Недавно мы провели переговоры с Всемирным банком и отметили достаточно эффективную реализацию этих проектов.

В мире постепенно растет число законодательных актов, направленных на снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду и климат. Так, в 2010 году только 45% эмиссии CO₂ регулировались национальными законодательствами, а в 2012 году речь идет уже о 67%: это значительный рост. Действуя в соответствии с мировыми трендами, Россия также расширяет и совершенствует нормативно-правовую базу в природоохранной области. Нужно отметить, что платформой для этих изменений стала идеология «зеленого» роста и ориентация на рациональное природопользование. При поддержке Президента Российской Федерации за последние несколько лет в нашей стране было разработано и принято восемь государственных программных документов, 50 федеральных законов и более 150 подзаконных актов по вопросам охраны окружающей среды. Особенно стоит отметить принятие в 2014 году двух федеральных законов, значение которых для перехода на принципы «зеленой» экономики трудно переоценить. Первый документ — это закон о нормировании негативного воздействия на окружающую среду и о внедрении наилучших доступных технологий на объектах промышленности и производства. Второй — закон об оптимизации государственной системы управления бытовыми и промышленными отходами.

Чтобы снять экологически обусловленные инвестиционные барьеры для отечественных компаний, Правительство Российской Федерации приняло меры, стимулирующие ограничение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов при сжигании попутного нефтяного газа (ПНГ). С начала этого года вступила в действие система платежей с повышающим коэффициентом на сверхнормативное сжигание ПНГ, предусматривающая не только жесткие санкции за нарушение нормативов, но и льготы для разработчиков новых месторождений. Благодаря реализованному комплексному подходу, на наш взгляд достаточно эффективному, сжигание ПНГ сократилось в России в два раза, при этом инвестиции в проекты по

утилизации ПНГ выросли за последние три года до 200 миллиардов рублей. Также к числу знаковых мер можно отнести программу по замене в стране устаревшего автотранспорта. Эта программа оказалась очень востребованной. Благодаря успешно проходящей в течение последних нескольких лет замене устаревших транспортных средств на новые современные автомобили, мы рассчитываем добиться значительного сокращения объемов вредных выбросов от сжигания топлива. Что касается экономического ущерба от изменения климата, то, по данным Росгидромета, с середины 1970-х годов средняя температура приземного воздуха на территории Российской Федерации повышается со средней скоростью 0,43 градуса Цельсия за десятилетие, что более чем в 2,5 раза превышает скорость глобального потепления. Особенно значительные изменения климата наблюдаются в Арктике.

По данным наблюдений с 1936 года, 2014 год стал восьмым по среднегодовой аномалии температуры воздуха в России: плюс 1,28 градуса Цельсия. В прошлом году было отмечено 569 опасных метеорологических явлений, это наибольшее количество за все годы наблюдений. Также можно говорить о сильнейших паводках, таких как паводок в Алтайском крае, который привел к миллиардному ущербу. Примеров можно привести много.

За период с 1970-го по 2012 год в мире зарегистрировано около 9 000 различных бедствий. Финансовые потери в результате таких опасных явлений, как засухи, экстремальные температуры, паводки, за это время составили в общей сложности 2,4 триллиона долларов США — сумму достаточно весомую. В «Докладе о глобальных рисках», выпущенном в этом году, накануне всемирного экономического саммита в Давосе, отмечены 28 рисков, значительно сдерживающих мировое развитие. Среди них названы экстремальные погодные явления, неэффективные меры адаптации к изменениям климата, дефицит пресной воды. По оценкам

авторов доклада, уже сейчас экстремальные изменения погоды могут быть причиной роста цен на продовольствие до 25%.

Российские исследования прямых и косвенных последствий изменения климата для экономики страны на период до 2030 года говорят об угрозе потерь в среднем до 1—2% ВВП в год, при этом на отдельных территориях этот показатель может быть существенно выше и достигать 4—5% регионального ВВП. Соответствующие адаптационные мероприятия могут способствовать значительному сокращению потерь и создать условия для получения дополнительных экономических выгод. Адаптация направлена в первую очередь на снижение рисков, связанных с негативными последствиями изменения климата. В то же время, существуют и положительные последствия. К ним можно отнести, например, повышение продуктивности в сельском хозяйстве, сокращение продолжительности отопительного сезона и многое другое, но в конечном счете воздействие негативных факторов во многом перекрывает достигнутый положительный эффект, что следует учитывать при определении и политики, и мер в области адаптации к изменению климата.

Хотел бы отметить, что во всем мире вопросам климата уделяется все больше внимания и на законодательном уровне. Климатическая политика России определяется климатической доктриной, принятой в 2009 году. Сейчас она реализуется, и один из ее актов направлен на регулирование выбросов парниковых газов. Это принятый в прошлом году план Правительства Российской Федерации по обеспечению сокращения выбросов парниковых газов к 2020 году на 25% по сравнению с уровнем 1990 года. Также планируется реализовать комплекс мер по инвентаризации выбросов на уровне предприятий и регионов, установить показатели сокращения объемов выбросов по различным секторам экономики и разработать рыночные механизмы, стимулирующие сокращение объемов выбросов. В этом году утверждены методические

рекомендации по проведению добровольной инвентаризации объема выбросов парниковых газов в субъектах Российской Федерации, завершается подготовка методических рекомендаций для предприятий.

В связи с председательством России в БРИКС в 2015 году я хотел бы сообщить, что развитие «зеленой» экономики в условиях обеспечения устойчивости и конкурентоспособности стран БРИКС было выбрано в качестве основной темы для встречи министров по охране окружающей среды стран БРИКС, которую мы провели в апреле этого года в Москве. Встреча стала знаковой: на наш взгляд, она фактически открыла новое экологическое направление сотрудничества в формате БРИКС. Также хочу отметить практические шаги, которые мы вместе с министрами наметили к реализации в ближайшее время: это постоянно действующий рабочий механизм сотрудничества и переговоры о возможности создания совместной платформы стран БРИКС для обмена наилучшими доступными практиками, а также продвижение экологически чистых технологий и ноу-хау. Сотрудничество между нашими странами в области антропогенной нагрузки на природную среду и климат может иметь по-настоящему глобальное значение.

Также недавно завершился очередной раунд переговоров ООН по новому глобальному соглашению, стороны которого немного приблизились к заключению нового соглашения по климату на период после 2020 года. Принятие этого соглашения ожидается в декабре текущего года в Париже. При этом Россия одной из первых представила свои потенциальные обязательства по сокращению антропогенных выбросов к 2030 году на 25—30% по сравнению с уровнем 1990 года в масштабе всей экономики. После заявления России две трети промышленно развитых стран также представили свои предложения по обязательствам к новому климатическому соглашению.

Однако этого, безусловно, недостаточно для решения этой глобальной проблемы. В 21 веке ориентация на экологию является существенным фактором, влияющим на инвестиционную привлекательность стран. Нередки случаи, когда инвесторы отказываются вкладывать средства в бизнес-проекты из-за того, что деятельность партнерских компаний не соответствует природоохранным стандартам. Можно сказать, что такая конкуренция по показателям экологической ответственности становится ведущей тенденцией, поэтому я считаю важным обеспечить эффективное продолжение начатого диалога между государством, научным сообществом и бизнесом по определению конкретных действий в области развития «зеленой» экономики. При этом государственные инициативы в этой сфере должны обязательно учитывать возможности бизнеса и носить стимулирующий характер, а не использоваться в качестве карательного механизма. При таком подходе «зеленое» регулирование не будет восприниматься компаниями как дополнительное бремя, а, наоборот, откроет им дополнительные возможности для успешного развития. Спасибо за внимание.

Е. Лазько:

Большое спасибо, Сергей Ефимович! Александр Иванович, Вы представляете Россию на всех климатических конференциях. Можете рассказать нам о нашей роли и позиции на глобальном уровне?

А. Бедрицкий:

Добрый день, уважаемые участники сессии, уважаемые дамы и господа! Тема моего выступления — «Роль России в международном климатическом сотрудничестве».

Должен сказать, что исторически наша страна всегда находилась на лидирующих позициях в развитии международного климатического

сотрудничества. Это утверждение основывается на конкретных действиях, на результатах и на вкладе нашей страны. Еще в 1970-е годы, когда мало кто в мире говорил о возможных тенденциях потепления климата, российский и советский ученый, академик Будыко, в своих работах «Климат и жизнь», «Влияние человека на климат», «Изменение климата» обращал внимание и нашей страны, и мировой общественности на то, что глобальное потепление нарастает и что оно будет негативно влиять на развитие. За эти работы он был удостоен золотой медали и самой престижной в мире премии для метеорологов и климатологов — премии Всемирной метеорологической организации, а СССР выступил одним из инициаторов организации в 1979 году первой Всемирной климатической конференции.

Теперь еще более интересный факт: проблема отрицательного воздействия изменений климата очень серьезно рассматривалась в СССР. За год до проведения второй Климатической конференции, которая состоялась в 1990 году, за три года до подписания Рамочной конвенции ООН об изменении климата, в 1989 году, правительство СССР подписало постановление о предотвращении отрицательных последствий изменения климата для народного хозяйства страны. Тогда предусматривалось разработать государственную программу по обеспечению устойчивого развития в условиях изменяющегося климата и соответствующие прогнозы. Только распад СССР прервал выполнение этих работ.

Исторически наши специалисты активно участвовали в разработках конвенций, и в 1992 году в Рио наша страна в числе первых подписала конвенцию ООН. Еще до вступления этой конвенции в силу в 1994 году правительство утвердило федеральную целевую программу «Предотвращение опасных изменений климата и их отрицательных последствий». Наряду с отраслевыми программами, она стала основой для выполнения обязательств России: вы знаете, что конвенция

предусматривала такие обязательства. В 2000 году все страны должны были стабилизировать выбросы на уровне 1990 года. Очень многие страны, взявшие на себя такие обязательства, их тогда не выполнили, а Россия выполнила. На то время наша страна была одним из крупнейших эмитентов среди развитых стран. В 1990 году на долю России приходилось 17,4% от мирового объема выбросов, а после отказа США в 2001 году ратифицировать Киотский протокол он вступил в силу только благодаря решению России. Россия ратифицировала его в ноябре 2004 года. По случайному совпадению это произошло ровно через 10 лет после ратификации конвенции.

Эти программы и макроэкономическая политика позволили добиться в 2000-х годах высоких темпов роста ВВП и социально-экономического развития. Сергей Ефимович называл немного другие цифры, с 2000-го по 2010 год, а я назову от кризиса до кризиса — с 1998-го по 2008-й. За это десятилетие Россия фактически стала мировым лидером по темпам снижения энергоемкости ВВП. За десять лет соответствующий показатель снизился на 42% и снижался в среднем более чем на 5% в год. Такого не было ни у одной страны в мире. Это статистика, она совершенно объективна. Рост ВВП тогда составил 86%, а рост объема выбросов — 12%. Это реальное доказательство того, что внедрение технологий позволяет добиться роста ВВП без пропорционального ускорения роста объемов парниковых газов. Так что Россия выполнила свои обязательства и в 2000 году, и в первый период реализации Киотского протокола. Существуют обобщенные оценки по выполнению этих обязательств, но если мы посмотрим, как выполнили их отдельные страны, то увидим, что не всем это удалось.

В настоящее время приняты политические практические решения, которые ориентированы на новое качество развития страны, и Сергей Ефимович об этом говорил. Это ключевые направления, меры по повышению

энергоэффективности на среднесрочную перспективу. Мы активно участвовали в подготовке Копенгагенского соглашения, но, поскольку оно не повлекло за собой конкретных обязательств, Президент России утвердил внутреннюю цель на 2020 год. Сергей Ефимович здесь рассказывал о мерах по ее достижению.

Разумеется, темпы перехода к новой модели развития и, соответственно, снижения негативного воздействия на окружающую среду существенно зависят от объема инвестиций, от разработки и внедрения ресурсосберегающих технологий. Это уже закреплено в документах. До 2020 года будет реализован комплекс институциональных, законодательных, финансово-экономических мер, направленных на постепенный переход от финансирования добычи и использования ископаемого топлива к финансированию «зеленых» технологий. Это официальные документы и, как вы понимаете, залог того, что после 2020 года мы будем поступательно двигаться к дальнейшему сокращению объемов выбросов парниковых газов, к снижению нагрузки на климатическую систему.

Конечно, это лишь внутренние меры, предусмотренные в нашей стране. Для того чтобы эффективно предотвратить негативные последствия и остановить глобальное повышение температуры, надо работать всем вместе: жизнь это показала. Поэтому ключевое направление международного сотрудничества — заключение нового климатического соглашения. Мы считаем, что оно должно строиться на принципах конвенции. В нее должны быть вовлечены все страны. Пусть у них будут разные обязательства, но участвовать должны все, иначе сделать ничего не удастся. Выбросы развивающихся стран по объемам уже превышают выбросы развитых, и эта тенденция будет нарастать. Конечный итог — снижение нагрузки на климат — зависит от общих усилий. Мы свои цифры объявили: мы были, по-моему, шестой или седьмой страной. Там есть

рамки, которые мы уточним ближе к парижской конференции. Разумеется, при этом будут учитываться глобальные политико-экономические условия и вовлечение всех стран.

Было сказано и о лесах. Это принципиальная позиция, и не потому, что у нас много лесов, а потому, что леса дают негативный синергетический эффект, если не относиться к ним с вниманием. Во-первых, это стоки, а во-вторых, сведение лесов нарушает естественный баланс. Объем и циркуляция углекислого газа оказываются на порядок больше, чем выбрасывает вся мировая экономика, и эти нарушения могут играть очень существенную роль в глобальном потеплении.

Правила учета лесов — тропических и бореальных — должны быть одинаковыми. Развивающиеся страны могут получать деньги, развитые страны могут помогать им сохранять тропические леса, но требования к учету лесного фактора в новом соглашении должны быть равными для всех.

На сегодняшний день в связи с подготовкой соглашения нас беспокоит следующее. К сожалению, природоохранная глобальная климатическая проблема незаметно политизируется. Одно дело, когда политизация связана с тем, что политики ставят цели, пусть трудные, но такие, к которым надо идти, а другое дело, когда политизация не просто препятствует усилиям стран, а еще и вносит такую струю, которая эти страны разделяет. О чем я говорю? Например, о политике санкций, которую развернули США, ЕС и ряд других стран против России. К чему она привела? Сдерживание экономики можно пережить, но это и негативные...

Е. Лазько:

Александр Иванович, прошу прощения, но мы еще хотим успеть и послушать Владимира Владимировича, и выступить.

А. Бедрицкий:

Я хочу пояснить: это негативный «зеленый» след, который ограничивает возможности по реализации «чистых» проектов. Представители некоторых стран через решения Глобального экологического фонда тормозят наши проекты, направленные на повышение энергоэффективности, на улучшение экологической обстановки, например, в Арктике, в Республике Татарстан. Некоторые из таких проектов заморожены. Это мало помогает усилиям по сокращению объемов выбросов. На мой взгляд, это не столько затрагивает потенциал нашей страны, сколько наносит ущерб международному климатическому сотрудничеству. В таком сотрудничестве не должно быть места политике, иначе невозможно будет концентрировать совместные усилия на достижении очень сложной цели. Однако мы оптимисты, и мы рассчитываем, что соглашение в Париже будет подписано.

Очень важно, чтобы к моменту подписания этого соглашения мы определились в том числе и с рыночными механизмами стимулирования. Углеродные рынки существуют, но они разделены, их надо как-то объединять, если мы хотим получить синергетический эффект для всего мира, если хотим, чтобы эти рынки действительно стали инструментом сокращения количества выбросов, а не только финансовым инструментом. В этом контексте очень важна работа по цене на углерод, которую ведет Всемирный банк. По данным Всемирного банка, так называемая цена на углерод уже установлена в 40% национальных и более чем в 20 субнациональных юрисдикциях. Это уже позволяет регулировать порядка 12% годовой глобальной эмиссии парникового газа. Мы находимся в процессе поиска стимулов, поэтому для нас очень актуально внедрение инструментов, в том числе и финансовых, которые дают наилучший эффект. Это важно и для увеличения объема инвестиций, позволяющих шире применять «зеленые» технологии и ускорять переход к ним от традиционной экономики.

Я надеюсь, что обсуждение «зеленого» роста экономики и изменения климата в рамках Форума будет способствовать укреплению потенциала реагирования на соответствующие глобальные вызовы, и в будущем будет помогать и нам, участникам Форума, и не только нам полнее реализовывать свои возможности, получать выгоды от работы в рамках нового, уже всеобъемлющего, климатического соглашения.

Е. Лазько:

Спасибо большое. Господин посол, в этом году климатическая конференция состоится во Франции. Какова позиция Франции по вопросам климата?

J.-M. Ripert:

Thank you very much. I will speak from here, at your request. Dear Minister, dear Special Representative, dear guests. As you know and as has been mentioned several times, France will host and preside over the 21st Session of the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change – COP21 – in Paris, at the end of November 2015.

That event will conclude a year throughout which the focus is, and will remain, on climate change and development. In addition to formal and informal milestones on the road to COP21, including the Business and Climate Summit held in Paris in May 2015, we still have several very important meetings coming up, such as the Third International Conference on Financing for Development, in Addis Ababa in July 2015, and the United Nations Summit for the Adoption of the Post-2015 Development Agenda, in New York in September 2015.

All countries have the collective responsibility to define an international framework of action that can reconcile everyone's aspiration to prosperity with the natural limits of our planet. As France will be chairing the COP21, we have a

special responsibility to provide our support for the negotiating process and guarantee transparent and inclusive negotiations.

In emphasis of what has just been said by the Minister and the Special Representative, allow me to express that France is very satisfied with its cooperation with Russia, which was one of the first countries to present its objectives, and which is a major partner in the process leading to COP21 and, we hope, its successful outcome.

Our work during the coming months will have three watchwords: Listening, Ambition (being ambitious), and Readiness for compromise. Our objective is to conclude the Paris Alliance for the Climate in December 2015. It will address the challenges of climate change, enabling us firstly to contain global warming within the limit of 1.5% to 2%, above which impact would be difficult to control, and secondly, to adapt our societies to the various impacts and fostering a low-carbon emissions development.

France is working with all of its partners on the four components of this alliance. The first component is a universal and legally binding agreement, the Paris Protocol. This agreement will focus on mitigation and adaptation; it will also take into account everyone's responsibilities and capabilities, which are changing, as was mentioned before.

The second component is composed of the intended nationally determined contribution. Some countries have already presented them. I mentioned Russia, and the EU and its Member States, of course. It is important for each country to be able to present its national contribution and its commitment, freely undertaken, to mitigating greenhouse gas emissions, but also with adaptation plans prior to the COP21.

The third component of the Paris Alliance for the Climate – and this brings us back to the topic of this panel – is financing. The first goal of the financial component needs to be the fulfilment of the Copenhagen Accord, raising USD 100 billion of public and private funding from developed countries annually,

starting in 2020. Following the first successful capitalization of the Green Climate Fund, USD 10.2 billion over four years, starting in 2015, we need to step up work on accounting methods for climate finance, in order to produce a better estimate of the flows currently mobilized, keeping in mind this objective of USD 100 billion. In this regard, the result of the Climate Finance Forum, held on March 21, 2015, in Paris, France, at the initiative of the International Development Finance Club, which is a club of public development banks, was encouraging. An agreement was reached on common principles for the accounting of finance, linked to the reduction of greenhouse gas emissions.

Of course, we need to work on a greater mobilization of public and private funds. We also need to increase the leverage effect of public funding on private financing. France, however, is also promoting innovative climate finance; we are focusing in particular on the financial transaction tax. This tax enables an ambitious contribution to the Green Climate Fund of USD 1 billion by France, which plays an active role in trying to implement an EU financial transaction tax.

The second goal of the financial component is to redirect global finance funding towards resilient, low-carbon development. We consider that states, regulators, and rating agencies need to take climate risk into account in order to provide proper incentives to private investors.

Governments need to implement policies, and establish clear incentive frameworks, such as carbon pricing or a progressive reduction of fossil fuel subsidies. We also encourage the initiative of the private sector. The Climate Finance Day, organized by the French Caisse de Dépôt and the European Investment Bank during the Paris Climate Week in May 2015, confirmed a growing mobilization in the private sector, which was illustrated by Good Practices such as the decarbonization of part of the portfolios of financial institutional investors or initiatives linked to developing Green Bonds.

The fourth pillar of the Paris Alliance for the Climate is the strengthening of a multi-partner initiative, the Action Agenda. This agenda aims to amplify the

actions of all parties in regard to mitigation and adaptation to climate disruption, and to send a strong message that the shift in development models and the transition towards low-carbon resilient economies is under way.

Given the urgency and scale of the challenge, it highlights the need for cooperation between governments, businesses, and the financial community. It must therefore be a means of strengthening the ambition of all countries, from 2015 into the long term, offering solutions to implement a low-carbon development strategy.

The Action Agenda is part of the legacy of the United Nations Climate Summit held in New York in September 2014; it aims to continue and broaden the process. At the Summit, world coalitions of public and private actors were able to demonstrate their leadership regarding climate action, and announce the launch of about 30 significant initiatives, such as the Global Alliance for Climate-Smart Agriculture, the Building Efficiency Accelerator, and the Portfolio Decarbonization Coalition.

Specifically, businesses can become involved by making individual commitments to reduce greenhouse gas emissions, by actively supporting the implementation of public policies for combating climate change and developing low-carbon economies, by committing to large-scale cooperative and multi-stakeholder initiatives (including the ones launched at the United Nations Summit), and by creating sectoral roadmaps in 2015 for sectors that produce the most greenhouse gas emissions.

We will work to help mobilize new partners, and contribute to the visibility of their efforts and commitments throughout 2015 and in Paris. We also, of course, invite all governments and civil society stakeholders, including businesses, local government bodies and NGOs, to support and strengthen this Action Agenda. Public diplomacy is key in the exercise that we are conducting towards the Paris Climate Protocol.

Ladies and gentlemen, dear friends, to sum up: France views climate change not only as the need to share the emissions burden but also as an opportunity, as was mentioned before, to create jobs and wealth, and to invent new modes of production and consumption. In other words, an opportunity to create, at last, green growth. I thank you very much.

Е. Лазько:

Большое спасибо, господин посол. Патрик, здесь уже пару раз упоминали и Всемирный банк, и финансирование. Вы можете это прокомментировать? Как финансовые институты меняются, чтобы справиться с изменениями климата?

P. Verkooijen:

Thank you, Ms. Lazko. First of all, I would like to congratulate the Russian Federation for its national contribution to the Paris Alliance for the Climate, we are very encouraged and humbled by it indeed.

We would also like to congratulate the French Presidency in their efforts in guiding us through the Paris negotiations, which are obviously, as Mr. Bedritsky said, very politicized. However, we are very encouraged by France in leading this effort.

My comments are very brief. I would like to focus on three things, building on the French framework indicated by the Ambassador, which can indeed be likened to four buckets: the legally binding part, the national contributions, the financing package, and the public-private partnerships.

Regarding the financing package, the Ambassador has already alluded to that, as has Mr. Bedritsky: if we want to think about economic transformation towards green growth, we need to think of it in the trillions. The investment needed just for infrastructure between now and 2030 is in the order of USD 89 trillion alone. If you add, let us say, the co-benefits of climate change, add another USD 4 trillion.

Nevertheless, for the Paris Alliance itself, the critical political litmus test will be whether developed nations are able to deliver on their commitment of USD 100 billion annually.

At the World Bank, we believe there is a pathway to those USD 100 billion, and we are committed to doing our part in delivering our contribution. Earlier this week – I am sure you may have seen it – the six large multilateral development banks announced their contribution for this year; the numbers are out. The MDBs together deliver USD 28 billion on an annual basis, of which the World Bank Group delivers USD 11 billion. Together with our shareholders, we are now looking into how we can grow the USD 11 billion into a larger piece.

The second point is basically an integration of the Minister's point and Mr. Bedritsky's, regarding the Working Coalitions, the fourth bucket. We believe there is great progress to be made on carbon pricing. We are very vocal; President Kim was very vocal in the run-up to the Climate Summit, about mobilizing support for carbon pricing. The Russian Federation was one of the first governments to come forward in support of Dr. Jim Yong Kim's efforts: 74 countries aligned themselves with carbon pricing, and over 1,000 companies came on board.

Obviously, we need to go from words to action. Within the World Bank, we have developed a Carbon Pricing Leadership Coalition at the political level, which will be inaugurated in October 2015, to drive this discourse into action on the ground. Lastly, regarding gas flaring, we are pleased with the progress Minister Sergey Donskoy has referenced here in Russia. Again, the World Bank, together with the Secretary General, announced at the Climate Summit last September an initiative for zero gas flaring by 2030. We welcome other governments and oil companies to join the Russian Federation in their effort to progress on this.

In our view, Paris is an important milestone, not just for pollution control, but particularly for this economic transformation of jobs and prosperity. In our view, the science is clear, the economics is compelling, and now it is up to the political leaders to make it happen. Thank you.

Е. Лазько:

Большое спасибо, Патрик, особенно за краткость. Господин Йонг Ли, у ЮНИДО есть ряд проектов, связанных с климатическими изменениями. Не могли бы Вы их прокомментировать?

Y. Li:

Thank you very much, Ms. Lazko. As a United Nations agency, we are implementing fully all the policy programmes dealing with climate change, along with our Member States. I would like to focus on a few programmes and examples of how we are really pushing these joint efforts.

Today, we all know that the world must deal with climate change with a sense of urgency. Regarding the real, urgent, growing, global problems facing all of us, we are thinking of how to reach an agreement to deal with climate change issues. I really hope that the COP21 negotiations will be successful, and lead us to success.

Having said that, the United Nations Industrial Development Organization (UNIDO) is really facing a challenge, a big question: how to support economic growth for the Member States through industrialization and manufacturing activity without sacrificing the environment. I will give you a few examples.

I am very happy to see that one of the programmes, especially one we are implementing, is the Sustainable Energy for All initiative. UNIDO is one of the leading partners of this initiative, which was launched in 2012 at the Rio+20 conference, where it received USD 50 billion in commitments from investors. At a national level, 83 Member States from Africa, Asia, Latin America, and the Caribbean, as well as the small island countries, have already committed to join and are supporting Sustainable Energy (SE) for All. This is a very good initiative; it will promote some of the programmes, and not just access to energy. This is the first step. Secondly, we should promote efficient use of energy that creates

less pollution. The final step is renewables, using new energy to promote economic growth.

SE for All is a very good example of us moving ahead with our Member States, because they cover a very wide range of Member States, especially in developing countries.

As a global forum partnership, I would like to mention here the Vienna Energy Forum. This was established by UNIDO together with the Austrian Government and the International Institute for Applied Systems Analysis. I came here after attending the opening session of that Forum. It is the fourth Forum, and the main theme is the Green Economy and Green Growth, linked to global manufacturing and global growth.

There are 2,600 participants from governments, from the private sector, and from civil society attending that Forum. The topic is how to maintain the Green in our economy, in our growth, while promoting economic development. Those are international efforts supported by UNIDO.

One of the examples of issues I would like to mention here, is the programme regarding Russia, who is a very important member of UNIDO. We have received support from Russia for years. In return, UNIDO has provided many programmes under international conventions. Now we are also implementing some of the programmes of the Minamata Convention on mercury reduction. One example is how we are working to control oil waste by Russian Railways. It is a very dynamic company, so how do we control that? Russia provided some financing, UNIDO supported it, and we are happy to report that this project has been implemented very successfully. Some of the technologies and approaches will be disseminated to some other countries as well. Last year, we signed an MOU to try to disseminate this knowledge.

A final point I would like to mention is that we have built up a kind of initiative like BRICs, not only just now in Russia, but starting from Russia. The BRIC countries play a very important role, pushing ahead with economic development as well as

environmental protection, which is also one of the tasks for this group of countries.

We developed a very special programme for Russia and Brazil on how to jointly promote environmental protection through technology transfer. I am very happy to have been involved in this process. We pushed for that very strongly.

Those were a few examples of what we are doing, and I am very happy to share with you that inclusive sustainable industrial development is a mandate of UNIDO, supported by all the Member States in December 2015.

We have incorporated this goal, the mandate, into the Post-2015 Development Agenda, and proposed 17 goals. Goal 9 is to build resilient infrastructure, promote Inclusive and Sustainable Industrialization (ISI), and foster innovation. I will be very happy if that is approved by the General Assembly of September. Inclusive and Sustainable Industrialization will be on the international agenda.

Promoting industrialization: everyone knows it is a dynamic driving force for economic growth. At the same time, we will promote inclusiveness, let all people, all countries, join this process, share the prosperity of the profits and the benefits fairly. Importantly, it is sustainable: the concept of sustainability will be here; with this concept, we will strongly promote the concept of the green economy, green industry, and green growth.

Having said that, I would like to once again assure all of you that UNIDO is a partner of our Member States, of our UN agencies, of our private sector and of our civil society, for promoting green growth, and for meeting poverty eradication targets during the next decade. Thank you very much.

Е. Лазько:

Спасибо большое, Вы очень вовремя перешли от климатической повестки к вопросам устойчивого развития. Госпожа Султаноглу, я знаю, что у Вас имеется большой опыт работы по устойчивым климатическим проектам. Расскажите нам об этом, пожалуйста!

C. Sultanoglu:

Thank you very much, Ms. Lazko; good afternoon, everyone. I am very pleased to be part of this discussion. I would like to thank the Russian Government for the invitation to the Forum, and certainly Ms. Lazko for being part of this distinguished panel.

I have three messages. The first is: climate change is as important as ever, and directly affects economic growth. This year, 2015, is a once-in-a-generation opportunity for us to make a change for sustainable development. There are four major conferences and events taking place over 12 months: the first was the World Conference on Disaster Risk Reduction in Sendai, Japan, in March; the second is the Addis Ababa Third International Conference on Financing for Development; third is the United Nations Summit for the Adoption of the Post-2015 Development Agenda in September of this year.

Everybody has talked about the fourth one – COP21, in Paris, France. The international community still has a chance to acknowledge that climate change can become a dramatic game-changer for economic growth and development more broadly. Why?

Firstly, because the impacts of climate change will affect not only every sector of the global economy, but also every aspect of people's lives. We are talking about livelihoods; we are talking about access to water, food production, health, energy. Unfortunately, the most vulnerable people in the poorest countries will be affected the most severely and the earliest, so the effects of climate change are poised to deepen economic inequalities and social exclusion.

Secondly, recovery from climate change costs tens of millions of dollars every year. A recent example from our region are the floods in Serbia last year: 1.7 million people were directly affected, the Serbian economy shrank by almost 1%, and it led to USD 1.7 billion in damages and losses.

Thirdly, the region's predominant forms of economic growth have led to large inefficiencies in converting natural resources to capital gains and capital growth. This is especially problematic for water and land, where scarcity and degradation will be exacerbated by climate change, which in turn will affect productivity and the potential for sustainable human development.

The second message is that a great deal can still be done by both public and private sectors. There is still time to avoid the worst effects of climate change if we take strong action now. UN Secretary General Ban Ki-moon said that after the Industrial Revolution, after the technological revolution, we are poised at the threshold of another great change, and that is the age of the Green Economy. Today, making economies greener and low-carbon-emitting is no longer a fantasy or the wishful thinking of environmentalists. It is an economic reality of our world. It is seen as a major factor for competitiveness by countries.

Climate change considerations should play a major role in global economic decision-making. It is as much about the commitments of states as about smart policy-making, to make the costs of mitigation and adaptation more palatable to the general public.

Climate change is also not just a matter for policy-makers or development-makers. It requires action in the corporate world. There will be no better time than today to initiate transformative investments in new green technologies and sectors, as well as in efficiency in traditional sectors.

My third message is that we already have a track record of how to do this. This brings me to talk about what is already being done, including by my organization – the UN Development Programme, the UNDP – in partnership with other UN organizations, governments, academia, civil society, and, very importantly, the private sector.

Last year, we worked in 98 countries to promote low-emissions and climate-resilient growth, and to improve natural resource management. With our support, 39 countries are now implementing comprehensive plans to meet this objective.

In order to scale-up action on climate change adaptation and mitigation, UNDP has supported 21 countries in accessing climate finance last year.

We have an on-going portfolio of 120 projects worth about USD 600 million aimed at removing barriers and promoting scaled-up investment in energy efficiency, renewables, and sustainable transport, in cooperation with the Global Environment Facility.

Some examples are close to Russia: in Uzbekistan, we are finalizing a project focusing on energy efficiency in public buildings. Publicly financed new and renovated buildings are now consuming 25-% to 50% less energy for heating than buildings that were built before this project. The new policies, building codes, and energy efficient management systems behind these statistics open the markets for new projects and technologies, and foster investments into greener development.

In Turkey, Russia, Kazakhstan, and Armenia, our work on energy efficiency technical regulations and compliance systems has led to accelerated market transformation towards energy-efficient equipment and technologies. Actually, Russia happens to be one of the best examples of that. In the five years up to 2014, energy consumption in the lighting sector in Russia dropped by 30%. There was a fivefold increase in the use of LED lamps in only three years. We at the UNDP aim to facilitate and sustain such market transformations.

In Russia, Kazakhstan, Slovakia, and Tajikistan, we have worked on integrated sustainable urban transport systems. This is, as mentioned previously, very important, because the transport sector is the fastest growing contributor to greenhouse gas emissions and causes up to 80% of air pollution in cities.

In Kazakhstan, together with the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), we are preparing a USD 300 million investment project on a modern light rail transit systems in Almaty.

In conclusion, let me reiterate that to safeguard development, we must keep the global increase in average temperature below two degrees Celsius. Ambassador

Ripert emphasized the same issue. That is why low-emissions and climate-resilient development pathways are crucial.

The sheer magnitude of the climate challenge, touching on every sector and every community, requires that climate change be addressed by all stakeholders with innovative approaches and direct action. The private sector has an important role to play in climate finance and the implementation of climate action. Public policies, laws, and institutional arrangements will have to support that.

I hope that today's discussion will help us to promote this dialogue much further. Thank you.

Е. Лазько:

Спасибо большое, Джихан! Господин де Пире, мы начинали говорить о том, что делает бизнес в плане управления климатом. Я знаю, что «Сен-Габен» активно занимается энергосберегающими технологиями. Расскажите нам об этом, пожалуйста.

G. de Pirey:

Thank you very much, Ms. Lazko. Indeed, Saint-Gobain is celebrating 350 years of existence this year, and is a worldwide leader in sustainable habitats. That means we produce and distribute construction materials, and other high-performance materials. In the building sector, we know that the environmental stakes are high. The energy consumption of the built environment, which represented 32% of the final energy consumption, and 19% of the greenhouse gas emissions in 2010, could double or even triple by 2050, compared to 2010, according to the IPCC.

In order to respond to these challenges, Saint-Gobain is proposing to the market to develop new products and new solutions to improve habitats, meaning where we live, where we work, and where we spend our daily life.

Saint-Gobain is paying specific attention to the energy balance of each of its solutions over the entire lifecycle. For instance, the energy used in the manufacture of our insulation systems or hyperthermal performance glass, is offset within one year by the energy savings achieved during that one year by the product in the building.

Of course, we not only provide solutions to achieve low-carbon-emission financial goals, but we also implement a number of energy saving measures at our own sites, we advocate for changes in regulation, and we are an active member of emissions trading systems (ETS) across the globe. Saint-Gobain participates in the emissions trading system in the European Union, in Switzerland, in China, and in South Korea.

At our 614 sites around the world, we have set our own corporate targets to reduce energy consumption by 15%, and total CO₂ emissions by 20% from 2010 to 2025. Saint-Gobain is one of the global leaders in the Carbon Disclosure Project's Global Reporting Initiative. We have participated since 2003 and we see that such initiatives, connecting the majority of the largest corporations, can make a difference.

Saint-Gobain actively supports COP21, and is part of the Business Direct Group. Business leaders, members of this group, will contribute to the climate negotiation debate at COP21 in Paris in 2015.

Certainly, our commitments at a global level are also implemented here in Russia. We are implementing emissions reduction measures across our supply chain here. In addition, we are driving the construction products market by being the first company in Russia to disclose the full environmental impact of our products, including the full disclosure of the greenhouse gas emissions and energy consumption. We publish our Environmental Product Declaration (EPD) for our products. We are the first to do this in the Russian market, and still today the only one in our sector.

Along with other companies, we have created U4E (United for Efficiency), which is a union of French enterprises in Russia for energy efficiency and ecology. In this association, we promote awareness and support actions in emissions reduction for businesses in Russia. The U4E recently organised a major conference entitled 'Energy Efficiency, Environment, and Climate: Foundations for Economic Development' in March 2014, which involved key business leaders in Russia.

Finally, some industrial associations of construction materials producers have initiated research with the participation of foreign investors as well as Russian companies. The topic is the increase of energy efficiency in the Russian building sector. Leading Russian experts were invited to it. They worked out current state-of-the-art energy efficiency models, put forward recommendations, as well as the precise impact they will have in terms of economic development, job creation, improvement of people's quality of life, and, of course, ecology.

We are now going to present these recommendations to the Russian Government for further implementation. Why? Because we are absolutely convinced that taking these measures will create business opportunities for us, will create investment and, ultimately, growth for the country itself, which will benefit everyone.

Hence, as one of the Top 100 industrial corporations in the world, with 200,000 employees, we actively support the COP21 goal to come up with a global climate agreement. I was very pleased to hear today how actively the Russian Federation is participating in this process, and how much effort Russia is putting in to achieve this global agreement in Paris at the end of the year. Thank you very much.

Е. Лазько:

Большое спасибо. Олег крайне активен во всех экологических инициативах, он работает с министерством и с некоммерческими организациями. Расскажите нам о том, что касается климата?

O. Mukhamedshin:

Thank you, Ms. Lazko, and thank you to all of our panelists for their very interesting speeches. As I can see, we are all optimists here, which is good. We all believe in the success of the Paris Protocol, and we all believe that all the countries will finally take up legally binding obligations to reduce emissions. We all hope for this.

The key question is how to achieve this in the future, how to guarantee that this type of obligation will be fulfilled. Because now, if you reach an agreement at the government level, you need to come down to the business level, and you need to push the companies and the business to actually fulfil the obligations that have already been agreed on by the government. This is the key obstacle.

I represent RUSAL, which is one of the largest aluminium companies worldwide, and obviously quite a contributor to global emissions, because the aluminium industry is one of the key consumers of energy. Our small emissions-reduction contribution is that we have more than halved our overall CO₂ emissions since 1990. Basically, we have reduced our overall CO₂ emissions from nearly 18 million tonnes in 1990 to around 8 million tonnes last year.

Also, we have shut down the oldest smelters, which produced electricity from coal-fired generating plants, and all the new facilities we are currently using are all actually based on green sources of energy, namely hydropower.

And, frankly speaking, it is becoming a matter of competition. Why do people continue to pollute? Because it is cheap. You can produce the same product but much more cheaply. That is why I believe the key target and next step is to introduce a carbon tax in every country, which basically penalizes every tonne of

emissions, so that every producer of greenhouse emissions has to pay. It has to become very expensive to continue to pollute.

That is the key issue that has to be discussed in the later stages.

Е. Лазько:

Спасибо большое. Я хочу дать возможность высказаться панелистам, сидящим в первом ряду, — если можно, очень коротко, потому что время поджимает. Я бы попросила начать Евгения Аркадьевича Шварца.

Е. Шварц:

Спасибо большое. Это редкий случай, когда мне легче согласиться с ключевыми спикерами — с Сергеем Ефимовичем и Александром Ивановичем. Наверное, я оттеню некоторые моменты и скажу о том, какими должны быть следующие шаги.

Первый безусловно большой успех Российской Федерации в уменьшении сжигания нефтяного попутного газа был бы невозможен без публичной общественной кампании за открытие этой информации, которую в течение пяти лет вел Всемирный фонд дикой природы. Мы действительно достигли большого успеха, потому что даже государственные компании «Роснефть» и «Газпром нефть» переломили тенденцию: они стали стратегически включать то, что раньше не считали. Все компании, кроме двух относительно небольших, «Башнефти» и «РуссНефти», переломили тенденцию. При этом мы видим серьезный успех даже у относительно небольших компаний, таких как «Иркутская нефтяная».

Таким образом, без открытости, публичности информации мы ничего сделать не можем. К сожалению, позиция Российского союза промышленников и предпринимателей состоит в том, что информацию по эмиссиям на удельные показатели продукции нужно скрывать, так как ее раскрытие приведет к обрушению котировок на Лондонской и Нью-Йоркской

фондовых биржах. По-видимому, предполагается, что компании говорили неправду, когда делали IPO. Соответственно, в условиях санкций уже ничего страшного не будет. Рано или поздно с ложью нужно покончить, и в этом отношении я очень рад тому, что говорит французский «Сен-Габен». Всемирный фонд дикой природы начинает переговоры с крупным бизнесом о создании союза за «зеленую» экономику, с очень понятными условиями членства. Необходимы публичная информация и планирование стратегии организации удельных показателей эмиссии парниковых газов и потребления ресурсов и отходов. Как только мы сделаем эту информацию открытой, мы сразу добьемся большого успеха. Это очевидно уже сейчас.

Следующий момент: это редкий случай, но я полностью согласен с представителями «Русского алюминия». Нам удалось добиться того, что в энергетической стратегии до 2030 года сохранена возможность введения платы за углерод на уровне субъектов федерации и крупных городов. Если бы мы с Минприроды, с советником Президента могли в течение нескольких лет дать возможность для эксперимента тем городам, которые согласны на это, — Москве, Казани, Архангельску, — это был бы серьезный шаг вперед: мы бы наработали опыт. Далее, если бы хотя бы «Внешэкономбанк» — я уж не мечтаю про Сбербанк и другие государственные банки — ввел при финансировании требование carbon disclosure project, мы бы раскрыли информацию об эмиссии по всем крупнейшим предприятиям и стали бы жить в новой реальности. Если мы вместе наметим такие цели, это будет настоящий прорыв, которым мы будем гордиться весь следующий период, в течение которого будет действовать климатическое соглашение.

В завершение своего выступления я хочу полностью поддержать Сергея Ефимовича в отношении роли бореальных лесов. Напомню, что единственный в мире крупный лесоклиматический проект, сертифицированный на соответствие киотским требованиям, — это российско-германский проект на Бикине, который обеспечивает доходом

удэгейцев и позволяет сохранять места обитания тигров. Это говорит о том, что, реализуя основы государственной политики по лесам, создавая национальное лесное наследие, мы можем внести серьезный вклад и показать на примере бореальных лесов, как мы сохраняем климат. Спасибо!

Е. Лазько:

Я бы попросила представителя индийского бизнеса господина Чинтана Шаха коротко прокомментировать свою позицию.

C. Shah:

Thank you. I have a couple of observations. The definition of GDP is different for an economist, for a politician, and again for industry. An economist looks at the PPP, a politician looks at the World Bank GDP, while industry looks at a different GDP.

Now, you expect the economist to draft a protocol, the politicians to sign off, and industry to participate. It does not happen. They make it so complex. That is one of the reasons why the Kyoto Protocol has failed.

I would suggest that if you were to draft a new protocol, involve industry if you want industrial participation. Keep it simple, so it is easy to understand and to implement.

Coming to one of the things that you raised about UNIDO, the issue of industrialization and going for climate change and green growth. In India, we actually have a solution for that. Most of the process industries – the textile industries and all – are using wind (airflow) power for amortization, so they are using windmills and taking electricity from the windmill, getting a set-off on the electricity bill for a longer-term basis. After eight to ten years of amortization, the cost of the electricity to them is something like 1 US cent per unit of electricity, which is very much cheaper than any other source of electricity.

So industry is using airflow power, making it profitable, and reinvesting more and more. That is one of the things that India has done.

Another thing India is trying to do is to bring horticulture and colleges together. We have a huge amount of horticulture happening now, and this involves a fair amount of colleges. And colleges are 90% of the expenditure of energy. So the colleges have adopted renewable power, which is windmills, and also solar, to have a longer amortization, and a reduction of energy prices, and ultimately help the farmers to have a better output.

People have been talking about a carbon tax. If you put a carbon tax on the end users, you are going to create a further divide, because only the rich people are going to afford a carbon tax. A carbon tax has to be at the point of origin: when you are mining coal, when you are mining gas. Because today, we only know one use for coal, which is in energy. Maybe 300 years down the line, coal could be used for something else, but coal will not be there. The point of origin tax is most important.

In India, the government has imposed a carbon tax of USD 3.50 per tonne of carbon. That means that if you are going to purchase coal, you pay USD 3.50 more per tonne. Interestingly, although India is a coal-based economy, the electricity prices have gone down, even after imposing the carbon tax at the point of origin. What has happened? It has led to energy efficiency. Therefore, when the raw material is costlier, it drives energy efficiency. If the raw material is cheaper, I do not think there is an incentive for energy efficiency.

It has two advantages: you create tax, and you create energy efficiency for the same resource.

I represent Suzlon Energy Limited, the fifth largest airflow-energy company in the world, installing thousands of megawatts across the world. Our entire business is mitigation. Thank you.

Е. Лазько:

Спасибо большое! Любовь, если можно, очень короткий комментарий.

Л. Дуйко:

Я очень кратко. Меня искренне радует активная позиция нашего государства в реализации политики «зеленой» экономики. Однако Всероссийское общество защиты природы считает, что необходимо активно продвигать политику, и продвигать ее в обществе. Необходима популяризация, то есть использование социальной рекламы, средств массовой информации в вузах, в школах, чтобы в этом процессе участвовали не только государства и специализированные участники рынка, производители, добытчики и переработчики ресурсов, но и общественность, и общественные организации. Мы готовы всячески поддерживать этот процесс. Спасибо!

Е. Лазько:

Всем большое спасибо! Дискуссия получилась очень интересной, и я возлагаю большие надежды на конференцию в Париже. Увидимся в следующем году!